

АЛЕКСАНДР
БУШКОВ

ОСТРОВ КОШМАРОВ

•
ПАРУСА И ПУШКИ

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б94

Бушков, Александр Александрович.

Б94 Паруса и пушки. [Вторая книга новой трилогии «Остров кошмаров»] / Александр Бушков. — Москва : Эксмо, 2019. — 384 с. — (Бушков. Незнанное).

ISBN 978-5-04-105142-6

Логика англичан в XVI — XVII веках была незатейлива: если нет своего, нужно отнять чужое. Так при королеве Елизавете пиратство (т.е. морской грабеж, убийства и насилие) было возведено в ранг доблестного служения отечеству и всячески поощрялось. Англичане поставили пиратское ремесло буквально на конвейер, превратив его в отрасль государственной индустрии, которую активно спонсировали и богатые купцы, и знатные лорды. И сама королева Елизавета, кстати.

В 1562 году пират Джон Хоукинс привез в Англию более тысячи чернокожих рабов. За успехи в новом для Англии бизнесе Елизавета присвоила ему звание адмирала. Кроме того, она официально разрешила ему включить в свой фамильный герб изображение негра в цепях...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Бушков А.А., 2019

© Оформление.

ISBN 978-5-04-105142-6

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Посвящается памяти леди Джен
Грей — и всем англичанам, погибшим
с оружием в руках за справедливость
и вольность.

Из любого свинства можно вы-
кроить кусочек ветчины.

Старая немецкая пословица

ТРЕЩАТ ПОЖАРИЩА

После смерти Генриха Восьмого Англию лихорадило, смело можно так выразиться, сверху донизу...

Английский историк и писатель Чарльз Поулсен много лет изучал длинную череду мятежей, бунтов, восстаний — на основе документальных источников, со времен Средневековья по времени, предшествовавшего Первой мировой войне. По его подсчетам, в последние годы жизни Генриха около десяти процентов всего населения Англии (практически одни крестьяне), в одночасье лишившись и земли, и прочего имущества, мыкались по стране бездомными бродягами, не имевшими никаких средств к существованию. Попрошайничеством такой массы народа было безусловно не прокормиться. От безысходности приходилось воровать — чтобы спасти семьи от голодной смерти.

Вот именно, семьи. Мы как-то то ли забываем, то ли не берем в расчет, что вместе с лишившимся земли крестьянином изгоняли в полную неизвестность все его семейство — а семьи в Средневековье, в деревне особенно, были немаленькие. Вот и брели по дорогам мужчины и женщины, дети (порой малолетние, да и наверняка грудничков с собой несли), ста-

ТРЕЩАТ ПОЖАРИЩА

рики и старухи. Это, пожалуй, и было самое страшное для еще недавно благополучного, справного хозяина — не просто самому брести с пустым брюхом, но еще и видеть, как страдают от голода жена и дети, пожилые отец с матерью и другие родственники. По неволе начнешь воровать, а то и грабить — а наказания за воровство и грабеж были зверские...

Наверняка очень и очень многие согласились бы работать на мануфактурах за сушие гроши — хоть какая-то гарантия жизни. Вот только мануфактур было еще слишком мало, чтобы занять работой более-менее значительную часть бродяг...

Королевская юстиция такие тонкости в расчет не принимала. И действовала прямо-таки людоедски. Кто-то из законников ввел в обращение термин «здоровые попрошайки» — это о трудоспособных безработных, оказавшихся таковыми не по своей воле. В большом ходу было «правило трех дней»: если бывало точно установлено, что «здоровый попрошайка» не работал нигде дольше трех дней, его ждали разнообразные наказания, на которые британская Фемида была всегда крайне изобретательна. Тот, кого жестоко выпороли, мог считать, что ему крупно повезло. Я говорю совершенно серьезно. Кроме порки, клеймили раскаленным железом, отрезали уши (а иногда и отрубали руку). Но чаще без затей вешали. В первой книге я уже приводил число таких висельников — около семидесяти двух тысяч... О том, что происходило с семьями казненных, сведений практически нет: никто из тогдашних хронистов такими мелочами не интересовался. Но нет сомнений, что на обочинах дорог во множестве ле-

жали трупы стариков, женщин и детей. Иначе как геноцидом это не назвать...

Ситуация усугублялась тем, что финансовая система Англии пребывала в совершеннейшем расстройстве. Королевская казна была пуста. Все деньги, вырученные за распроданные монастырские и церковные земли и имущество, Генрих бездарно потратил на войны с Францией и Шотландией, совершенно бесполезные для государства. То, что англичане взяли шотландскую столицу Эдинбург и сожгли ее дотла, принесло лишь моральное удовлетворение — а это штука сомнительная и денег в казне не прибавившая.

Задолго до смерти Генрих начал портить монету — чем дальше, больше. К золоту и серебру на монетном дворе подмешивали медь и бронзу — иногда доля неблагородных металлов достигала тридцати процентов. По всей Европе «простые» фальшивомонетчики, этикие предприниматели без образования юридического лица, за такие фокусы подвергались самым зверским наказаниям. В одних странах (в том числе и в России) им заливали в глотку расплавленный металл. В других (особенно это было в ходу в германских государствах) фальшивомонетчиков заживо варили в кипящем масле, причем, подвесив под мышки, опускали в котел довольно медленно — по щиколотки, по лодыжки, по коленки. У меня холодок пробегает по спине, когда я представляю, как они орали — нет сведений, что им затыкали рты.

А вот коронованным особам, как легко догадаться, такие забавы всегда и везде сходили с рук. Портить монету придумал отнюдь не Генрих — этим

ТРЕЩАТ ПОЖАРИЩА

грешили многие европейские короли. Вот только Англии, понятное дело, от этого было не легче. Естественно, инфляция (такого слова тогда еще не знали, но это была именно она). Естественно, цены лезут вверх, как бешеная обезьяна по пальме. Дошло до того, что по всей Англии сплошь и рядом люди просто отказывались заключать сделки и принимать платежи в «порченных» монетах, предпочитая сохранившиеся в обращении деньги «старого образца», не испохабленные примесями меди и бронзы.

Ну, а наверху... Наверху творилось, говоря вульгарно, черт знает что — не то чума, не то веселье на корабле...

Но давайте по порядку.

При всех своих недостатках Жирный Гарри был все же человеком предусмотрительным. Прекрасно зная, что болен он смертельно, Генрих заранее постарался позаботиться о будущем — в первую очередь своего десятилетнего сына Эдуарда. Сначала он провел через парламент акт, которым установил четкий порядок престолонаследования. После его смерти королем должен был стать Эдуард. А далее по списку — старшая дочь Мария и уж за ней — младшая Екатерина. А чтобы сыну жилось спокойнее, устроил, говоря современным языком, зачистку политического пространства. Не требовалось особого ума, чтобы понять: юный король непременно окажется под влиянием одной из сильных придворных группировок. Таковых имелось две, жестоко меж собой враждовавших. Одна — протестантская (Эдуарда воспитали в протестантизме). Возглавлял ее человек незаурядный, как мы убедимся позже — граф Херт-

форд, лорд Сеймур, родной брат покойной королевы Джейн Сеймур, то есть, как легко догадаться, дядя будущего короля. Другая — католическая, крайне неодобрительно относившаяся к Реформации и втайне (а иногда и не особенно втайне) мечтавшая о возвращении к прежним порядкам. Они были опасны в первую очередь тем, что располагали, как говорится, «знаменем» — принцесса Мария, дочь испанки Екатерины Арагонской, была истовой католичкой. Так что будущее могло таить для Эдуарда нехорошие сюрпризы — к тому времени в истории Англии уже не раз случалось, что престол оказывался не у того, кто числился наследником в официальных бумагах, а у того, кто смог собрать больше войск... А сторонников «старой веры», то есть католицизма, в Англии было еще немало, в том числе среди людей знатных, богатых и влиятельных... Протестантизм, то есть англиканство, укоренился еще недостаточно крепко.

Генрих решил проблему в своем излюбленном стиле — попросту обвинил в государственной измене и казнил вождей католической партии и ее наиболее влиятельных деятелей. Теперь политическое пространство состояло лишь из протестантской партии графа Хертфорда. Из ее членов Генрих и создал опекунский совет, обязанный заботиться об интересах Эдуарда. Структура у него была интересная: шестнадцать человек «основной команды» и еще двенадцать — в качестве этакого вспомогательного состава, скамейки запасных, если пользоваться хоккейными терминами. В общем, как к Генриху ни относиться (а относиться к нему следует плохо по примеру многих английских историков), в данном случае он себя проявил край-

ТРЕЩАТ ПОЖАРИЩА

не предусмотрительным человеком — сделал все, что мог, в интересах сына, предусмотрев все возможные осложнения — кроме одного-единственного, не зависевшего ни от короля, ни вообще от смертных...

Сразу после смерти Генриха объявилась интересная интрига. Его завещание не содержало никаких неясностей или темных мест, кроме последнего пункта, гласившего: «Душеприказчикам короля надлежит исполнить вместо него все обещания, когда-либо им данные». Что это за обещания, члены опекунского совета понятия не имели, ни о чем подобном они прежде не слышали.

Все принялись старательно скрести в затылках, гадая, о чем же идет речь. Длилось это недолго: встал главный душеприказчик граф Хертфорд и с милой улыбкой моментально внес ясность. Оказывается, загадочный пункт означал, что королю благоугодно было присвоить ему, Хертфорду, титул герцога Сомерсета, а его брату Томасу — титул барона. И пожаловать обоим немаленькими поземельными владениями согласно странной формуле для таких случаев, «чтобы они могли достойно поддерживать свое новое звание».

Члены совета испытали натуральный шок. Никаких доказательств, кроме слов самого графа, не имелось — а Хертфорд отнюдь не был образцом благородства и чести, о чем знала каждая собака. Скорее уж наоборот. Беспринципный, амбициозный, жадный до почестей и богатства субъект.

Верить ему на слово как-то не тянуло. Члены совета, малость оправившись от шока, готовы были наговорить этому, с позволения сказать, герцогу не-

мало теплых слов и, опять-таки пользуясь современными терминами, выразить вотум недоверия: ведь не имелось никаких доказательств, кроме слов самого Хертфорда и завешания, написанного неизвестно кем, но уж безусловно не собственноручно королем. Запахло хорошей дракой...

Хертфорд — ах, пардон, Сомерсет! — поставил им детский мат в два хода. При всех своих недостатках он был человеком умным и хитрым. Прежде чем разгорелись прения, он поторопился добавить: милостями ему и брату «королевские обещания» отнюдь не ограничиваются, а касаются практически всех здесь присутствующих. Кто-то из них получает титул, кто-то — земли из монастырского конфиската, кто-то — другие сладкие пряники. Такова уж была королевская воля, милорды.

Все кулаки моментально разжались, клыки спрятались. Самопровозглашенный Сомерсет повязал всех присутствующих не особенно и хитрым приемом: вздумай они во всеуслышание обвинить его в подделке последнего пункта завешания, автоматически лишились бы и сами титулов, должностей и земель, обладателями которых, по Сомерсету, только что стали. Так что шума поднимать не стоило. В конце концов, королю Генриху было уже все равно...

Вскоре произошло событие, так и не получившее однозначного объяснения. Опекунский совет единогласно, добровольно и с песней объявил о самороспуске, предварительно объявив Сомерсета лордом-протектором Англии, то есть правителем, а фактически некоронованным королем при десятилетнем коронованном.

ТРЕЩАТ ПОЖАРИЩА

Объяснений тут может быть только два. Возможно, благородным лордам, получившим много сладких пряников, попросту не хотелось заниматься скучными и сложными делами государственного управления, и они предпочли устраниваться, свалив все на кого-то энергичного, в данном случае на Сомерсета. Примеры в истории известны. Не исключено также, что все это мягко и ненавязчиво организовал сам новоявленный герцог, стремившийся к единоличной власти без всякого намека на оппозицию.

Как бы там ни было, Сомерсет стал правителем Англии. Занятно, но первая крайне серьезная проблема, с которой ему пришлось столкнуться, заключалась в его родном брате, бароне Томасе Сеймуре.

Человек, безусловно, был незаурядный и интелесный, с сильной авантюрной жилкой. По отзывам современников, красавец-мужчина, как выразился о другом персонаже герой одного русского романа, «известный шарлатан насчет дамских сердец». Имел большой успех среди ветреных придворных красоток, мало того, ухитрился обаять юную четырнадцатилетнюю принцессу Елизавету. Кто-то из современников с исконно английской деликатностью выразился об этом так: «Принцесса уделяла ему чуть больше внимания, чем было принято у принцесс в ту пору».

Женился Томас не абы на ком: на вдовствующей королеве Екатерине Парр. Мотивы такого поступка как-то особенно историками не обсуждались, но, по моему личному мнению, они лежат на поверхности: родись у Томаса дети, они благодаря матери имели бы права на английский престол. Неплохо быть отцом потенциального короля или королевы, согласитесь.

Однако Томас, как явствует из всего дальнейшего, строил более сложные комбинации и все яйца в одну корзину не складывал. Елизавета жила как раз в его замке — и однажды Екатерина чисто случайно застала в укромном уголке муженька и юную принцессу, обнимавшихся самым нежным образом. Растерявшийся Томас понес форменную чушь: мол, принцесса что-то набедокурила, и он решил ее наказать, как следует отшлепав.

Разумеется, Екатерина ни капельки не поверила: то, что она только что видела своими глазами, ничуть не напоминало наказание шлепками, вовсе даже наоборот. Мужу она закатила шумный скандал (надо полагать, пара ласковых слов досталась и юной принцессе) — и от греха подальше отправила Елизавету в отдаленное поместье.

И вскоре умерла при родах от бича того времени — родильной горячки, возникавшей оттого, что принимавшие роды врачи заносили инфекцию немытыми руками. Даже в последующие, вроде бы уже гораздо более прогрессивные столетия считалось обычным делом, когда врач являлся принимать роды, не то что не вымыв руки, а порой прямо из морга, где только что производил вскрытие. Так что процент смертности среди рожениц был огромный. С этим злом удалось справиться только во второй половине девятнадцатого (!) столетия...

Теперь Томас был свободен как ветер. И стал откровенно говорить в кругу друзей и близких знакомых, что всерьез намерен жениться на Елизавете, которая, в общем, не против. Игра приобретала еще больший интерес: окажись Елизавета на престоле